

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Ассириология

Среди сотрудников АМ не было ассириологов. В составе Кабинета древнего Востока ИВ, за исключением В. В. Струве, не было ни одного специалиста по истории древнего Двуречья¹. Однако изучением Ассирии занимались в других учреждениях Петрограда — Ленинграда. Так, еще в 1919 г. центром изучения древнего Востока в нашей стране стала секция археологии и искусства древнего Востока в составе РАИМК. Секцию эту возглавлял В. К. Шилейко, замечательный ассириолог-самоучка, публикации которого не уступали лучшим работам современных ему западных специалистов. Он издал много шумерских, вавилонских, ассирийских и хеттских клинописных текстов, хранящихся в музеях Ленинграда и Москвы, а также первым стал переводить с оригинала на русский язык лучшие образцы шумерской и вавилонской литературы².

Продолжателем В. К. Шилейко стал его ученик А. П. Рифтин, крупный ассириолог и специалист по общему языкознанию и семитским языкам. Хотя А. П. Рифтин не являлся сотрудником ИВ, но он, как и В. К. Шилейко, был связан с его деятельностью и посещал научные заседания³.

В. В. Струве, который занимался семитологией у акад. П. К. Коковцова, стал основоположником нового направления советской ассириологии, а именно изучения социальной и экономической истории древнего Двуречья на основе систематического исследования богатейших архивов.

¹ «Изучение древней истории в Институте востоковедения АН СССР» (без подписи), — ВДИ, 1938, № 3, стр. 255—257.

² А. П. Рифтин, В. К. Шилейко (некролог). Список работ профессора В. К. Шилейко, — СЕКЛУ, вып. 6, 1930, стр. 1—4.

³ И. Ю. Крачковский, Памяти ученика, — Избр. сочинения, V, 1958, стр. 435—439; В. М. Жирмунский, А. П. Рифтин, — УЗЛГУ, № 69, СФН, вып. 10, 1946, стр. 8—11; П. Н. Берков, Аннотированный список печатных трудов А. П. Рифтина, — там же, стр. 12—14.

После эвакуации ИВ в 1945 г. был создан Сектор древнего и раннесредневекового Востока, в котором В. В. Струве все еще являлся единственным ассириологом⁴. В 1952 г. сектор был закрыт и В. В. Струве перешел в Институт истории АН СССР.

В 1957 г. в ЛО ИВ была создана группа по ассириологии и смежным дисциплинам, которую возглавил И. М. Дьяконов. И. М. Дьяконов, ученик А. П. Рифтина, окончил ЛГУ в 1938 г. и в том же году начал там читать лекции по истории Вавилонии и Ассирии, истории вавилонской религии и мифологии, а также по шумерскому языку, истории и диалектологии аккадского языка и т. д.⁵. С 1953 г. И. М. Дьяконов работает в ЛО ИВ. В состав группы по ассириологии вошли С. М. Бациева (позднее стала заниматься арабистикой), И. М. Дунаевская, В. А. Лившиц и А. Г. Периханян.

В 1959 г. по решению Президиума АН СССР в ИВ был создан Отдел древнего Востока, который возглавлял до своей кончины В. В. Струве. Отдел состоит из Сектора древнего Востока в ИВ, в который входят историческая группа и группа древневосточной филологии.

В Кабинет древнего Востока ЛО ИВ вошли сотрудники упоминавшейся группы ассириологии и смежных дисциплин, а также перешли вместе с В. В. Струве в 1959 г. из ИИ О. Д. Берлев, М. А. Дандамаев, И. Г. Лившиц и Ю. Я. Перепелкин. В настоящее время в кабинете работают более 20 сотрудников — специалисты по египтологии, шумерологии, ассириологии, хеттологии, семитологии, древнему Ирану и древней истории стран Дальнего Востока.

Лингвисты и филологи кабинета занимаются исследованием древневосточных языков, а историки сосредоточили свои усилия на проблемах, которые имеют большое значение для понимания характера общественных формаций: предпосылки и условия возникновения государства, генезис общины, храмовая собственность, земельные отношения, труд рабов и свободных, проблема возникновения и развития городов в странах древнего Востока⁶.

Сотрудники кабинета достигли значительных успехов в изучении древней истории Передней Азии. Книги сотрудников часто рецензируются в ведущих западных журналах. В жур-

---

⁴ И. Амусин, Сектор древнего и раннесредневекового Востока ИВАН, — ВДИ, 1948, № 2, стр. 164—167; его же, Институт востоковедения АН СССР, — ВДИ, 1949, № 3, стр. 192—193.

⁵ Берлев, Грибов, Египтология и ассириология в Ленинградском университете, — УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960, стр. 160 сл.

⁶ И. М. [Оранский], Отдел древнего Востока (Ленинградская группа Института востоковедения в 1959 г.), — ПВ, 1960, № 3, стр. 325—327; М. А. Дандамаев, Основные проблемы исследования древнего Востока в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР, — ВДИ, 1967, № 1, стр. 107—115.

нале «Orientalia» регулярно отводится место для хроники научной жизни кабинета. Традиционные направления нашей науки становятся предметом острого интереса зарубежных ученых.

В 1957 и 1962 гг. в стенах ЛО ИНА были проведены I и II всесоюзные сессии по изучению древнего Востока, которые позволили установить научные контакты специалистов по древнему Востоку, работающих в различных городах Советского Союза. На III всесоюзной сессии по древнему Востоку, состоявшейся в феврале 1966 г. в Москве, читали доклады почти все сотрудники кабинета.

В 1960 г. на XXV МКВ также было много выступлений сотрудников кабинета (В. В. Струве, О. Д. Берлев, М. А. Дандамаев, И. М. Дунаевская, И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский и Ю. Я. Перепелкин). Для знакомства с достижениями советской науки в области социально-экономических исследований в 1960 г. в ЛО ИНА приезжал профессор Чикагского университета И. Гельб, а в 1964 г. с той же целью для работы в Чикагском университете был приглашен И. М. Дьяконов. Последний был также основным докладчиком на III Международном конгрессе по экономической истории в Мюнхене в 1965 г. с темой «Основные черты экономики монархий древней Западной Азии»⁷.

Из остальных (помимо И. М. Дьяконова) ассириологов, работающих в ЛО ИВ, М. А. Дандамаев занимается древним Ираном и поздней Вавилонией, И. М. Дунаевская — хеттским языком так называемых хеттских иероглифических надписей, И. Т. Канева — шумерской грамматикой и публикацией шумерских литературных текстов, Г. Х. Каплан — среднеассирийским диалектом аккадского языка, В. А. Якобсон — историей и правом поздней Ассирии⁸.

Шумер. На основе детального исследования главным образом шумерских документов хозяйственной отчетности, а также большого материала из истории Вавилонии, Ассирии, Египта и Малой Азии В. В. Струве в 1933 г. выступил со своим знаменитым докладом «Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока»⁹. До начала 30-х годов советские востоковеды считали, что для всей пяти тысячелетней истории Востока характерно господство феодализма. В своем докладе В. В. Струве показал, что первым классовым делением было деление на рабов и рабовладельцев. По его мнению, древневосточные об-

⁷ НАА, 1966, № 2, стр. 44—58.

⁸ См.: Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе, М., 1961, стр. 174, 339. Книга содержит подробную сводку работ по древней истории Передней Азии, опубликованных в нашей стране с 1917 по 1960 г.

⁹ ИГАИМК, вып. 77, 1934, стр. 32—181.

щества являлись рабовладельческими. Как полагал докладчик, в Шумере и Египте классовое общество возникло в результате развития ирригационного земледелия, давшего возможность поработить военнопленных. В период III династии Ура в Шумере существовала рабовладельческая эксплуатация труда, и царские хозяйства этого времени были рабовладельческими латифундиями, работники которых были лишены средств производства и жили на скудном довольствии, выдававшемся дворцом.

В статье «„Наемный труд“ и сельская община в южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э.»¹⁰ В. В. Струве показал, что в период III династии Ура наемные работники были «мельчайшими» земледельцами, которые были объединены в сельские общины, связанные с царским хозяйством. Он обратил внимание также на принципиальное различие между оплатой труда наемных работников и выдачей «корма» для рабов¹¹.

В статье «Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э.»¹² В. В. Струве путем сравнительного изучения документов, отдаленных друг от друга временем в четыре месяца, показал, что за это время в лагере погибло около двух третей женщин и детей, захваченных в плен во время войны.

В работе «Термин *gana-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере»¹³ В. В. Струве привел данные, свидетельствующие о том, что частное землевладение зародилось прежде всего на «высоких полях», на которых необходимо было проводить трудоемкие работы по орошению.

В монографии В. В. Струве «Государство Лагаш» (М., 1961) исследована проблема борьбы за расширение гражданских прав в Лагаше в XXV—XXIV вв. до н. э. Автор, рассмотрев социальные реформы, проведенные правителем города Лагаша — Урукагиной, установил, что они были в интересах низших слоев общества: пастухов, корабельщиков, рыбаков, ремесленников и т. д., на которые и опирался Урукагина при захвате власти. Эти реформы, являвшиеся первыми известными до сих пор крупными социальными реформами древности, привели, по мнению В. В. Струве, к тому, что число полноправных граждан увеличилось в 10 раз — с 3600 до 36 тыс. человек.

Наконец, исследование В. В. Струве «Община, храм и

---

¹⁰ ВДИ, 1948, № 2, стр. 13—33.

¹¹ В. В. Струве, Новые данные об организации труда и социальной структуры общества Сумера эпохи III династии Ура, — СВ, 1949, № 4, стр. 149—184.

¹² ВДИ, 1952, № 1, стр. 26—48.

¹³ ВДИ, 1959, № 2, стр. 53—74.

дворец»¹⁴ освещает взаимоотношения государства, храма и общины в Шумере и показывает, что члены общины в шумерском городе-государстве Лагаше в XXIV в. до н. э. не полностью противопоставлялись храму, землям и людям последнего. Общинники и представители храмового персонала считались собственностью отдельных богов пантеона Лагаша.

И. М. Дьяконов в книге «Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер» (М., 1959) исследовал процесс зарождения классового общества и государства в конце IV тысячелетия в Шумере и его развитие до начала II тысячелетия до н. э. Автор показал, что вопреки распространенным представлениям в древнейшем Шумере не было деспотии и шумерские правители не были собственниками всей земли. Глава государства избирался народным собранием и советом старейшин. Общинными делами управляли совет и отчасти народное собрание, а не единолично царь. До середины III тысячелетия в стране господствовала родовая аристократия. Уже появились средства насилия — войско и администрация, чтобы держать в подчинении эксплуатируемых. Но необходимо было объединить страну и создать единую ирригационную сеть. Эту тенденцию к объединению страны и усилению центральной власти осуществляли правители, которые боролись с влиянием родовой знати. Процесс усиления царской власти привел к тому, что при династии Аккада (XXIV—XXI вв.) начался процесс перехода государства в типичную восточную деспотию, и этот процесс завершился в период III династии Ура (XXI в.). Все Двуречье было объединено в одно государство, создан аппарат управления, целиком подчиненный царю, а страна была разделена на территориальные округа. Непосредственные производители эксплуатировались как рабы. Собственно рабов было относительно мало, и они были заняты главным образом не в ведущих отраслях производства.

Вавилония. В. В. Струве исследовал также оригинальное произведение вавилонской литературы «Диалог господина с рабом». По мнению автора, в этом произведении нашло отражение недовольство аристократии политикой центральной власти в период Первой вавилонской династии¹⁵.

В работе, посвященной долговому рабству, В. В. Струве показал, что в старовавилонский период имела место принудительная продажа членов семьи должника третьему лицу для покрытия вырученной суммой долга кредитору. Члены семьи должника, просрочившего срок возврата долга, должны были

---

¹⁴ ВДИ, 1963, № 3, стр. 11—34.

¹⁵ В. В. Струве, Диалог господина и раба о «смысле жизни» (по новому вавилонскому памятнику), — сб. «Религия и общество», стр. 41—59.

работать на кредитора три года, а рабы должника в аналогичных случаях могли быть проданы¹⁶.

И. М. Дьяконов в статье «*Mušškēnum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби»¹⁷ показал, что в старовавилонский период участки царской земли раздавались в пользование за плату и за службу. Наделы за службу получали представители царской администрации, жрецы и жрицы, воины, ремесленники и земледельцы. Эти наделы можно было передавать по наследству или продавать, но в таких случаях их новый владелец обязан был нести повинности, связанные со своим наделом. Подробно исследовав положение социального слоя мушкенум, автор пришел к выводу, что это были лица, получившие наделы царской земли на условиях владения, но стоявшие вне общины и тесно связанные с царским хозяйством.

И. М. Дьяконов исследовал найденную в библиотеке Ашшурбанапала табличку, на которой записано политическое произведение, и показал, что последнее является сочинением вавилонского жреца и датируется концом VIII или началом VII в. до н. э. По мнению автора, это сочинение, адресованное ассирийскому царю Синаххерибу, — наставление, чтобы последний воздержался от действий против вавилонской знати, которая была заинтересована в сохранении самоуправления в Вавилоне, Сиппаре, Ниппуре и других городах¹⁸.

Сотрудник кабинета И. Д. Амусин, сопоставив найденный в 50-х годах нашего века фрагмент сочинения, содержащего молитву вавилонского царя Набонида, и его надписи, пришел к выводу, что Набонид стремился утвердить культ бога луны Сина во всей Месопотамии в качестве культа верховного бога, надеясь усилить с помощью своих религиозных реформ государственную централизацию¹⁹.

Взаимоотношения между храмами и дворцом в Вавилонии в VI—V вв. до н. э. исследованы в работе М. А. Дандамаева «Храм и государство в поздней Вавилонии»²⁰. В статье «Свободные наемные работники в поздней Вавилонии»²¹ М. А. Дандамаев попытался выяснить масштабы применения труда свободных наемных работников в Вавилонии в VI—IV вв. до н. э.

¹⁶ В. В. Струве, *Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине*, — ПС, 3 (65), 1958, стр. 3—28.

¹⁷ *Eos*, XLVIII, 1956, № 1, стр. 37—62.

¹⁸ И. М. Дьяконов, *Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.*, — ВДИ, 1946, № 4, стр. 41—53; I. M. Diakonoff, *A Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C.*, — *Studies B. Landsberger*, стр. 343—349.

¹⁹ И. Д. Амусин, *Кумранский фрагмент «молитвы» вавилонского царя Набонида*, — ВДИ, 1958, № 4, стр. 104—117.

²⁰ ВДИ, 1966, № 4, стр. 17—39.

²¹ Сб. «Ассириология и египтология», стр. 31—50.

Ассирия. И. М. Дьяконов выпустил в 1949 г. монографию «Развитие земельных отношений в Ассирии», в которой рассмотрел изменения в социальной структуре Ассирии начиная со староассирийского времени. По мнению автора, в новоассирийское время все завоеванные земли Ассирийской державы находились во владении самого царя, его сановников, храмов и частных лиц. Рабы, которые были поселены на этих землях, могли иметь движимую и недвижимую собственность, в том числе и рабов, и несли государственные повинности. Однако таких рабов можно было продавать вместе с землей или без нее.

В. А. Якобсон защитил кандидатскую диссертацию «Право и социальная структура Ассирии (новоассирийское царство)». Основные положения этой диссертации изложены им в статье «Социальная структура новоассирийского царства»²².

С. М. Бациева в статье «Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию»²³ показала, что основной причиной войн Ассирии с Урарту являлась борьба за центры транзитной торговли железом, которое добывали в Малой Азии.

Большое значение для выяснения общественно-экономического и государственного строя стран древней Передней Азии имеет труд «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», который содержит перевод шумерских, вавилонских, ассирийских и хеттских законов (осуществленный И. М. Дьяконовым и И. М. Дунаевской) с подробным филологическим и историко-юридическим комментарием, написанным И. М. Дьяконовым при участии юриста Я. М. Магазинера²⁴.

И. М. Дьяконов совместно с С. М. Бациевой, К. Б. Старковой и Н. Б. Янковской составил комментированный сборник переводов ассирийских, нововавилонских и древнееврейских текстов, содержащих сведения об Урарту²⁵. И. М. Дьяконов дал также реконструкцию событий времени падения Урартского царства, ставшего в 590 г. частью Мидийской державы²⁶. Он же опубликовал «Урартские письма и документы» (Л., 1963), которые дают уникальный материал для изучения экономики Урарту.

Иран. В. В. Струве написал серию ценных работ по исследованию религии и культуры древнего Ирана. Рассмотрев религиозные воззрения древних иранцев, он высказал предположение, что в Антидэвовской надписи Ксеркса речь идет о

---

²² ВДИ, 1965, № 1, стр. 100—117.

²³ ВДИ, 1953, № 2, стр. 17—36.

²⁴ ВДИ, 1952, № 3, стр. 199—303; № 4, стр. 205—320.

²⁵ «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту». — ВДИ, 1951, № 2, стр. 255—356; № 3, стр. 205—252; № 4, стр. 283—305.

²⁶ И. М. Дьяконов, Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 19—32.

разрушении храмов мидийских племенных божеств²⁷. По его мнению, между зороастризмом и официальной ахеменидской религией существовали значительные расхождения и Ахемениды не признавали роль Заратуштры как посредника между людьми и верховным богом Ахура-Маздой²⁸.

В. В. Струве полагал, что в начале царствования Дария I в Персии стали применять арамейское письмо для составления документов на древнеперсидском языке²⁹.

И. М. Дьяконов исследовал историю Мидии начиная с древнейших времен, а также подробно рассмотрел проблему древнеиранской религии³⁰.

История Ирана конца 20-х годов VI в. до н. э. исследована в книге М. А. Дандамаева «Иран при первых Ахеменидах» (М., 1963).

И. М. Дьяконов дал обзор арамейских писем персидского сатрапа Аршамы к управляющим его имениями в Египте и показал, что в этих имениях работали военнопленные, обращенные в рабов³¹.

Шумерский, аккадский и урартский языки. В. В. Струве в статье «Проверка теории о значении глагольных префиксов *ти-* и *е-*»³² выявил закономерности в употреблении этих префиксов в древнейших шумерских текстах.

И. Т. Канева в большой работе о шумерском глаголе³³ показала существование в шумерских героико-эпических текстах в записях начала II тысячелетия до н. э. формального различия между переходными и непереходными глаголами, так как непереходный глагол в противоположность переходному имел только одну форму спряжения. Автор также показал ошибочность положения крупного шумеролога А. Пёбеля о том, что в «послешумерский период» непереходные глаголы спрягались по типу переходных. В этот период процесс ассимиляции спряжения непереходного глагола спряжением переходного только начинался и происходил, очевидно, под влиянием аккадского языка. Г. Х. Каплан подготовила кан-

---

²⁷ В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, — ИАН СССР, СИФ, I, 1944, № 3, стр. 128—140.

²⁸ В. В. Струве, Родина зороастризма, — СВ, 1948, № 5, стр. 5—34.

²⁹ В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 186—191.

³⁰ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956.

³¹ И. М. Дьяконов, Рабовладельческие имения персидских вельмож, — ВДИ, 1959, № 4, стр. 70—92.

³² ВДИ, 1964, № 2, стр. 107—118.

³³ И. Т. Канева, Спряжение шумерского глагола, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 16—96; см. также: И. Т. Канева, Глаголы движения (на материале шумерского героического эпоса), — «Ассириология и египтология», стр. 51—59; ее же, Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы «Писец и его непутевый сын», — ВДИ, 1966, № 2, стр. 68—78.

дидатскую диссертацию, посвященную среднеассирийскому диалекту аккадского языка.

И. М. Дунаевская в большом исследовании, посвященном хеттскому глаголу, установила принципы размещения глагольных формантов, а также сделала попытку выяснить значение глагольных префиксов и префиксальных групп³⁴. Кроме того, И. М. Дунаевская издала фрагмент хеттской иероглифической надписи³⁵.

В 1957 г. на XXIV МКВ И. М. Дьяконов прочел доклад о сходстве и различии между урартским и хурритским языками, в котором он предложил восстановление фонетической системы урартского языка и пришел к выводу, что урартский и хурритский языки произошли от одного и того же языка-основы³⁶.

Как видно из сказанного выше, в течение последнего десятилетия, особенно после создания Отдела древнего Востока, в ЛО ИВ ведется систематическое исследование истории и языков Шумера, Вавилонии, Ассирии, царства хеттов и Ирана.

---

³⁴ И. М. Дунаевская, Принципы хеттского (протохеттского) глагола, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 51—160.

³⁵ И. М. Дунаевская, Ленинградский фрагмент хеттской иероглифической надписи, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 97—102.

³⁶ I. M. Diakonoff, A comparative survey of the Hurrian and Urartean Languages, — «Paper for the XXIV International Congress of Orientalists», Moscow, 1957. См. более подробно: И. М. Дьяконов, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 369—423.